

Человек и его переживания

Рецензия на книгу М.А. Малышева «Человек и мир его переживаний»

Б.В. Емельянов

Не так давно бывший уральский философ, а ныне, волей судеб, профессор-исследователь Автономного университета штата Мехико, выпустил в свет книгу о человеке и его переживаниях (М. А. Малышев. Человек и мир его переживаний. Екатеринбург, 2000, 278 с. Ссылки на это издание – в тексте). Эта книга – результат многолетних размышлений автора – представляет собой собрание очерков, большая часть которых уже была опубликована в русских и мексиканских изданиях. Готовя свою книгу к печати, М. А. Малышев значительно переработал, дополнил и уточнил каждый из опубликованных ранее материалов, а также включил в неё ряд новых статей. В конце произведения вслед за очерком, посвященном творчеству Эмиля Цюорана, даются некоторые переводы в которых автор знакомит отечественного читателя с творчеством этого весьма оригинального, но практически неизвестного в России румынско-французского мыслителя.

Первый очерк, служащий как бы лейтмотивом ко всей книге, посвящен характеристике антропологической направленности современной философской мысли. Будучи существом вопрошающим, человек, чем далее – тем более, ставит себя в центр своих философских размышлений, и поэтому можно смело сказать, что антропология является на сегодняшний день центральным звеном философского мышления. Говоря словами автора, «ничто человеческое не чуждо философии, и сама она в известной мере – это человек, ставший для самого себя проблемой». Именно эта проблематичность для самого себя человека, которая и определяет его онтологический статус в мире, служит

отправной точкой подхода автора к пониманию философской антропологии. Отправляясь от тезиса её основоположников – Макса Шелера, Гельмута Плеснера и Арнольда Гелена – о том, что человек является существом незавершенным, недостаточным и открытым миру, автор рассматривает деятельность человека в его наиболее существенных антропологических атрибутах, а саму человеческую историю трактует как преодоление этой онтологической недостаточности, как формирование человеком своей собственной «антропологической субстанции». С такой точки зрения существование человека – это всегда открытая возможность, а не то, что он представляет собой согласно своей природе или своей сущности. «Следовательно, человек не есть нечто наличное, данное, готовое, ставшее; скорее, он представляет собой экзистенциальную программу, а стало быть, он есть то, чем ещё не является, – проект своего предстоящего свершения». Отсюда следует, что человек был, есть и будет постоянной проблемой для самого себя, ибо, стремясь к преодолению собственной незавершенности и недостаточности, он порождает все новые и новые вызовы своему собственному существованию на каждом этапе своего исторического развития.

Наше время – это время угрозы, чреватой различного рода кризисными явлениями, это эпоха «конденсации инноваций», потери знакомого и привычного в традициях прошлого, роста рациональности в отдельных сферах общественного бытия за счет утраты рациональности на всеобщем социальном уровне. Опасности, проистекающие из аварий, которые возникают из неведомого вмешательства человека в природу или в

следствие неконтролируемого суммирования побочных следствий его деятельности, «неожиданно соединяют самое интимное, - например, здоровье ребенка- с самым отдаленным - «озоновой дырой», аварией атомного реактора, «парниковым эффектом»- и заставляют нас думать об онтологической ненадежности нашего бытия». Отсюда следует, что антропологическое мышление приобретает сегодня новые, ранее неизвестные философии черты. Исходная точка современной философской антропологии - это человек, находящийся в ситуации тотального кризиса, благодаря чему на первый план выходит алармистская функция, связанная с предупреждением действительного и возможного ущерба, производимого негативными последствиями использования его разума.

Второй блок проблем рецензируемой нами книги связан с дескрипцией аффективных переживаний. С точки зрения М. А. Малышева, наша душевная жизнь включает в себя различные компоненты: мысли и желания, чувства и эмоции, страсти и убеждения. Этот психический комплекс, данный в нашем внутреннем опыте, этот способ существования реальности для субъекта, по-немецки именуемого *Erlebnis*, автор обозначает термином «переживание». Подобно тому как физическое тело представляет собой соединение атомов, так и наше «я», как психический феномен, есть совокупность переживаний. *Аффективное переживание* - это такой ментальный комплекс, в котором эмоционально-оценочное отношение к миру определяет все остальные ингредиенты психического состояния субъекта. Согласно автору, в аффективных переживаниях находит свое выражение то значение, которое переживаемый объект имеет для субъекта, но не с фактической, а с магической точки зрения, т. е., так, как объект предстает в сознании субъекта в свете его радости и печали, тоски и

любви, вины и стыда, страха и гордости, зависти и презрения. Человек в состоянии раскрыть и эмоционально постичь широкую гамму оттенков чувств и эмоций другого лишь постольку, поскольку он обладает опытом их переживаний в своем собственном внутреннем мире. Посредством последних мы окрашиваем окружающий нас мир в разнообразные эмоционально-чувственные тона. В этом смысле мы можем сказать, что аффективные переживания имеют такое же значение для нашего отношения к окружающим нас людям, какое краски имеют для художника и звуки для музыканта для выражения их отношения к миру.

С точки зрения автора рецензируемой нами книги любое переживание связано с осознанием чувств переживающим их субъектом, так что, если последние не осознаются, то мы не можем говорить о них как о переживаниях. Когда мы начинаем отдавать себе отчет в движениях собственной души, осознавать свои чувства, а заодно и то значение, которое предмет, вызвавший их к осознанию играет в нашей жизни, то именно тогда мы начинаем его переживать. Отсюда следует, что невозможно осуществить тематизацию аффективных переживаний вне погруженности описывающего их автора в свой собственный внутренний мир. Вряд ли, кто-либо из нас смог бы написать нечто интересное о любви, вине, стыде, радости и тоске, если бы он сам не обладал личным опытом переживаний этих чувств. С другой стороны, нельзя и слишком переоценивать собственную индивидуальную интроспекцию в феноменологическом описании переживаний эмоций и чувств. Не только наш личный опыт переживания чувств, но и мировая сокровищница философской и художественной литературы снабжают нас богатыми ресурсами для удовлетворения нашей потребности в познании внутреннего мира человека.

Человек не просто живет, а так или иначе переживает чувство собственной значимости, которое выражается в необходимости быть признанным другими, ибо без идеи собственной значимости, задающей смысл его жизни,

он не смог бы вынести рутины повседневного существования. Стремление быть «кем-то», претензия на обладание определенной значимостью среди себе подобных лиц составляет фундамент его ценностей. Уже простой взгляд значимого другого сообщает нам признание или, как говорит Сартр, достаточно, чтобы другой смотрел на нас, чтобы мы начали ощущать свою собственную значимость. Может быть мы не столько боимся умереть, сколько страшимся уйти из жизни существами непризнанными. Как замечает автор, «недостаток в признании другими ощущается нами как принижение ценности собственного существования. Не иметь никакой значимости, как нам кажется, означает большее зло, чем зло небытия». Именно признание собственной значимости человека служит экзистенциальной предпосылкой его сосуществования с другими людьми, конституирует смысл его общественных связей. Именно потребность в признании и выступает компенсацией онтологической недостаточности и незавершенности существования человека. Более того, стремление к признанию и соответственно боязнь его утраты составляют социальную основу многообразных форм аффективных переживаний. «В самом деле, что такое любовь как не признание, как не страстное утверждение единственной и неповторимой значимости возлюбленного для влюбленного. В свою очередь каждый любящий хочет быть любимым; не только раскрыть свои горячие чувства другому, но и получить ответное чувство, быть признанным объектом своей любви. Что такое зависть как не невольное признание заслуг другого и одновременно стремление их развенчать и принизить. Завистник воспринимает достижения другого в значимой для себя сфере как покушение на авторитет и достоинство собственной личности. Что такое вина как не переживание виновным недолжного поступка, признание ущерба, причиненного им своему собственному

достоинству. Что означает тоска, вызванная утратой ушедшего от нас в «другой мир» значимого человека, как не признание его невозместимой ценности. Невозможно полностью компенсировать душевную боль, вызванную смертью нашего близкого, идей «бессмертия души» или «бессмертия» его славных дел в грядущих поколениях, но именно признание неповторимой значимости ушедшего от нас человека приносит нам определенное облегчение».

С точки зрения М. А. Малышева, всякая «драма», связанная с переживаниями чувств, выступает одновременно и моральной драмой, следовательно, дескрипция чистых актов переживаний в абстракции от моральных суждений, которые их сопровождают, может нарушить их феноменальное единство в нашем сознании. Если эстетические чувства более или менее отдалены от нравственной оценки, то моральные чувства непосредственно включают их в себя. Наша нравственное сознание базируется на чувстве солидарности между людьми, и мы ощущаем, что эта солидарность окажется подорванной, если в наше присутствие и на наших глазах совершится зло или несправедливость, а мы ничего не сделаем для того, чтобы пресечь это зло и не окажем посильного сопротивления носителю несправедливости. Мы не можем оставаться равнодушными тогда, когда видим, как попирают наше достоинство или, когда мы выступаем невольными свидетелями унижения, которое причиняют другому. Наша совесть - это своеобразный радар, который автоматически наводится на переживаемое содержание нашего сознания и выносит ему свой нравственный приговор. Когда я вижу, что некто совершает зло, то внутри меня мгновенно возникает необъяснимая к нему антипатия. Эта первичная эмоциональная установка уже содержит в себе определенное убеждение, родственное по категоричности своим переживаний непреложности

переживания очевидных истин. Если я вижу, что этот стол круглый, то меня уже очень трудно убедить в том, что он квадратный. Конечно, прагматические соображения, связанные с угрозой моим интересам, могут привести меня к замалчиванию или искажению непреложных истин восприятия, но сила их очевидности так или иначе будет упрямо убеждать меня в обратном. Отвержение несправедливости, насилия и надругательства часто перевешивает соображения выгоды, диктуемые нашим слишком «прагматичным» рассудком. Мы ничего так не боимся, как оказаться перед судом собственной совести последними негодяями, презренными подлецами или жалкими трусами, а потому стараемся сделать все, что в наших силах, чтобы избежать подобной уничижительной самооценки. Однако, как показывает автор в очерке, посвященном творчеству Шаламова, существуют обстоятельства, в которых эмоциональная и нравственная индифферентность приводит к тому, что инстинкт самосохранения вытесняет любой спонтанный протест, свойственный нашей совести. Эта моральная атрофия вызывает не только

утрату сочувствия к чужой боли, но и даже заглушает чувство ненависти к собственным истязателям. Поэтому, если сохраняется ненависть к палачу, то и сохраняются последние остатки совести, предохраняющие личность от окончательной нравственной деградации.

Как заметил однажды Хосе Ортега-и-Гассет, если любое животное, например, тигр не может перестать быть тигром, не может, так сказать, «растигриться», то человек, каким бы разумный он ни был, живет под постоянной угрозой утраты своей разумной или, что ещё хуже, гуманистической ипостаси. С человеком, как и с любым другим животным, могут произойти разные истории, но с человеком иногда происходит, кроме всего прочего, ещё и то, что он может перестать быть самим собой, иначе говоря, и вся история тому свидетель, он может «расчеловечиться». Дабы эта возможность не превратилась в действительность, необходимо чтобы каждое новое поколение людей, углубляя и переосмысляя свою «антропологическую субстанцию», не утратило бы при этом своего нравственного начала.

Человек в поисках ИСТИНЫ СВОЕГО БЫТИЯ

К.С. Романова

Вопрос о смысле жизни, так или иначе, невольно встает перед каждым человеком. Философия возникает именно там, где возникает вопрос о месте человека и его значении в мире, о его жизни и смерти. Ответы на эти вопросы давались и даются разнообразные, нередко противоположные по смыслу.

«Жизненное пространство», выходящее за регулируемые законом рамки социального бытия, является

полем свободной самореализации людей, их самопониманиям. Каким содержанием наполняется это пространство, зависит от уровня духовного развития человека, содержания его личных интересов и предпочтений.

Самопонимание индивидов оказывает влияние на духовный облик всего народа, на ту роль, которую они играют в историческом развитии, социальном прогрессе человечества.

Внутренняя духовная жизнь человека